

Урожайный Детектив

Наталья Александрова

Розы для киллера

Наталья Александрова

Розы для киллера

«Автор»

2002

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Розы для киллера / Н. Н. Александрова — «Автор», 2002

В цветочном ларьке каждую пятницу заказывают странный букет: три желтые розы и две ярко-розовые. Однажды букет по ошибке попадает в руки случайного покупателя, и в городе начинаются загадочные, на первый взгляд не связанные друг с другом убийства. Книга также выходила под названием «Сентиментальный душегуб».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2002
© Автор, 2002

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Александрова

Розы для киллера

Часть первая

Ранним зимним утром скромно одетая женщина средних лет шла по одному из тихих переулков в центре Санкт-Петербурга, где располагаются офисы крупных фирм, определяющих финансовое лицо северной столицы. Неподалеку от подъезда красивого, хорошо отремонтированного особняка она на секунду задержалась и бросила в мусорный ящик, привинченный к стене, плотный полиэтиленовый пакет. Охранник, в этот ранний час подремывавший на своем посту возле телевизионных мониторов, не обратил на женщину ни малейшего внимания. Тем временем она свернула на соседнюю улицу, зашла в подворотню и поднялась по грязной, пропахшей кошками лестнице на шестой этаж.

Площадка шестого этажа была непосещаема – на нее выходила только дверь нежилого чердака. Зато с этой площадки, из маленького, давно не мытого оконца открывался прекрасный вид на богатый подъезд с охранником и телекамерой.

Женщина присела боком на подоконник и прислонилась спиной к стене, чтобы было удобнее ждать. Ждать она собиралась долго – столько, сколько нужно. Ждать она умела.

Прошел час-другой, время приближалось к девяти. Женщина чуть пошевелилась, разминая затекшие суставы, достала из хозяйственной сумки чистую тряпочку и протерла пыльное стекло, чтобы лучше видеть подъезд напротив. Затем она достала из той же сумки небольшую плоскую коробку с кнопкой – пульт дистанционного управления.

Переулок оживал – появлялось все больше прохожих, все больше дорогих машин останавливалось у тротуара.

Вдруг женщина насторожилась – недалеко от подъезда, за которым она следила, остановилась черная сверкающая «Ауди-8». Дверцы распахнулись, выскочили два подтянутых бритоголовых охранника, помогли вылезти на свет Божий невысокому одышливому толстяку. Толстяк маленькими шажками двинулся к подъезду фирмы, телохранители, внимательно оглядывая переулок, шли рядом с ним – один чуть впереди, другой чуть сзади.

Вот толстяк поравнялся с ящиком для мусора... Настал тот миг, которого все утро ждала скромно одетая женщина. Она нажала кнопку на пульте и чуть приоткрыла рот, так учил ее муж: при этом тебя не оглушит грохот взрыва. Конечно, она находилась далеко от эпицентра, но рвануло так, что этажом ниже вылетели стекла, и на какое-то время в переулке наступила удивительная тишина – после взрыва все другие звуки стали совершенно не слышны. Но это было потом, мгновением позже, а сначала внизу вспух громадный багровый шар, поглотивший толстяка и его охрану. Когда пламя погасло и дым от взрыва рассеялся, на тротуаре остались только куски изувеченных, обгорелых тел. Вокруг кричали перепуганные женщины, ставшие невольными свидетелями трагедии; собиралась толпа – она испуганно держалась в стороне от места взрыва, но любопытство и болезненная страсть людей глазеть на чужую смерть и кровь тянули к месту трагедии новых и новых зевак.

Скромно одетая женщина внимательно осмотрела переулок, удовлетворенно кивнула, спрятала пульт управления в хозяйственную сумку и неторопливо спустилась во двор. Вышла она из двора в другие ворота, оказавшиеся достаточно далеко от рокового переулка, и с озабоченным видом женщины, идущей за покупками, пошла прочь. Переходя по горбатому мостику Фонтанку, она огляделась и, убедившись, что на нее никто не смотрит, бросила в воду плоскую коробку с кнопкой. Избавившись от пульта, она облегченно вздохнула и вспомнила, что

действительно надо прикупить кое-что из продуктов. Она села в троллейбус и поехала к дому, но вышла на две остановки раньше, у станции метро, где был небольшой продуктовый рынок.

В овощном ларьке женщина купила пару бананов и полкило изюма – в них есть калий, полезный для сердца, в хлебном, поздоровавшись со знакомой продавщицей, выбрала мягкую булку, задержалась было у гастрономического – сыр-то, сыр как подорожал, придется подождать до больших денег, – купила там двести граммов «докторской» колбаски и повернула к дому.

Муж встречал ее в дверях квартиры.

– Ну как, Машенька? Все успешно?

– Да, дорогой, конечно, устройство сработало, как часы.

– Ты сама видела? Заказ выполнен?

– Разумеется, видела. На куски его разорвало, можешь не сомневаться.

– Молодец, женушка. Ты же понимаешь, от этого зависит моя профессиональная репутация.

– Конечно, понимаю. Ты поставил воду для кофе? Вот разбери сумку, и будем завтракать. Я там, пока ждала, очень проголодалась.

У станции метро в одном из «спальных» районов города было оживленно – вечер пятницы. Играла музыка, кричали продавцы фруктов и семечек, толклись пьяные бомжи и бездомные собаки. Чуть в стороне в одну линию выстроились одинаковые цветочные ларьки. Ларьки производили приятное впечатление – ярко освещенные, с красиво расставленными букетами. Продавщицы скучали, потому что цветов было много, а цены везде одинаковые – у ларьков был один хозяин.

На проспекте остановилась темно-красная «ауди», из нее выскочила молодая женщина и, на ходу застегивая дубленку, бросилась к цветочному ларьку:

– Светка, Светка! – Она, запыхавшись, добежала до второго справа ларька и постучала в стекло.

На стук выглянула яркая брюнетка с растопыренными пальцами левой руки – работы не было, и она от скуки делала маникюр.

– Что у тебя стряслось? – спросила она приятельницу.

– Да не у меня, а у тебя стряслось! – ответила та внешне с досадой, но Светка уловила в ее голосе изрядную толику злорадства. – Сейчас проезжали мимо «Флориды», там твой с бабой веселится!

– Не может быть! – вскрикнула Светка.

– Все точно! – захлебывалась приятельница. – Машина его, мы едем, а они как раз выходят. Она сама рыжая, хотя, может, крашенная, а шуба – вот такой песец, до полу. А он так ее обнимает и на ушко что-то шепчет!

Светка готова была поклясться, что последнюю фразу приятельница придумала и добавила от себя лично, но легче ей от этого не стало. Пока она стояла, пораженная новостью, приятельница спохватилась:

– Ой, побегу я, вон мой уже сигналист, что я долго. Не переживай, Светик! – крикнула она на бегу. – Не ты первая, не ты последняя.

«Это уж точно, – подумала Света, глядя ей вслед, – ох и попляшу я на твоих косточках, когда твой тебя бросит!»

После ухода подруги она заметалась по ларьку, натываясь на эти чертовы букеты. Что делать? Что предпринять? Неужели он там с этой дрянью в песне? А она-то, дура, поверила, когда он говорил, что очень занят на работе. Пять месяцев, пять месяцев она потратила на этого типа, ублажала его в постели как могла, не требовала денег и дорогих подарков, потому что хотела большего. Он говорил, что работает в мэрии, какой-то там важный чин, наверное,

все врал. Он обещал ей снять квартирку и содержать ее, а она, надеясь, что он вытащит ее из этого чертова ларька, всему верила и даже денег не брала, не хотела показаться ему жадной. И уж чего только не делала, чтобы он поверил, что она его любит!

И вот теперь все полетело псу под хвост! Ее любовник был женат, это верно, жену она еще могла бы стерпеть, но глупо было бы думать, что если он расхаживает по ресторанам с другими девицами, то по-прежнему хочет сделать ее своей постоянной любовницей. Правда, какие-то подозрения в последнее время у Светки зарождались, и она стала просить любовника, чтобы он устроил ее на приличную работу, но и тут он тоже все тянул. А она, идиотка, нахвасталась подругам и даже предупредила хозяина, что скоро уйдет. И он собирается взять на ее место в ларек Кристинку, та уже давно тут ошивается. Так что теперь она, Света, может и этой работы лишиться! Следовало признать, что ее опять обвели вокруг пальца. Ну уж нет! Этого она так не оставит!

Света оделась, сунула в карман кошелек и выскочила из ларька. Сейчас она найдет Кристинку, посадит ее вместо себя, потом поедет во «Флориду», чтобы воочию убедиться в вероломстве своего любовника. Если повезет, можно устроить скандал, чтобы выплеснуть накопившиеся эмоции. Почему-то больше всего раздражал песец до полу.

Кристинку она отыскивала у продуктовых ларьков, та покупала сигареты.

– Пойдем, все покажу. Вот сиди, торгуй. Цены все указаны. Выручку не трогай, у меня все сосчитано. В ларьке не кури, задохнешься.

– А ты скоро? – крикнула перетрусившая Кристинка, она никогда еще не оставалась одна с товаром и деньгами.

– Скоро, скоро, – отозвалась Света уже на бегу.

«Ох, черт, я же забыла ее предупредить про желтый букет, сегодня же пятница!»

Она остановилась было, потом махнула рукой – да провались оно все! – и выскочила на проезжую часть, чтобы поймать машину.

Кристинка осталась в ларьке одна. Она посидела немного, разглядывая букеты, потом ей стало скучно. Люди почему-то к ее ларьку не подходили, а покупали цветы в соседних. Это Кристинку не волновало, ведь пока еще за все отвечает Света. Хозяин ларьков Стасик обещал взять ее на работу после того, как Света уволится. Для этого надо долго торчать перед ларьками, мозолить ему глаза. Однажды, когда Стасик изрядно выпил, он завез Кристинку в темный переулок и трахнул прямо в машине, а потом высадил. На следующий день обнадеженная Кристинка явилась к ларькам с утра пораньше. Стасик, увидев ее, долго мотал головой, словно отмахиваясь от невидимой мухи, потом сказал, что ладно, будет место, сядешь в ларек.

Кристинка страшно обрадовалась, потому что мать совершенно ее заела по поводу работы. Мать говорила, что в восемнадцать лет нельзя быть такой дурой и безответственной, и как она, Кристинка, будет жить, если с матерью что случится.

Кристинка от природы плохо соображала. Учеба давалась ей тяжело, учителя с трудом дотянули ее до девятого класса и перекрестились, когда выпустили. Мать запихнула Кристинку в какой-то колледж, Кристинка продержалась там несколько месяцев и бросила – для ее слабеньких мозгов и это было слишком. Парни у нее были, еще с четырнадцати лет, но никто не задерживался дольше двух недель – им с Кристинкой было скучно.

И вот теперь у Кристинки скоро появится настоящая работа. Как жаль, что нельзя посмотреть со стороны, как она смотрится в ларьке. Подошел парень скромного вида, купил три гвоздики. Потом женщина выбрала орхидею в прозрачной коробке. Кристинка сверилась с ценником и аккуратно отсчитала женщине сдачу. Понемногу она перестала волноваться – ничего тут нет сложного, и что Светка нос дерет!

В это время к ларькам подскочил какой-то сумасшедший встрепанный тип. Он был без шапки, куртка распахнута, глаза блуждали по сторонам. Тип с налету проскочил все ларьки, остановился у самого крайнего, потом задним ходом вернулся к Кристинкиному ларьку.

– Какой вам букет? – Кристинка решила быть внимательной и любезной.

Мужчина, не отвечая, что-то искал глазами. Кристинка даже испугалась – точно, псих, еще испортит что-нибудь. Хорошо, что сейчас зима и цветы стоят внутри ларька.

– Так-так, – бормотал мужчина, – нужны розы, обязательно с шипами...

– Вот, пожалуйста. – Кристинка указала ему на красные, белые и бордовые розы. – Сколько вам?

Но странный тип все обшаривал глазами содержимое ларька, что-то бормоча.

– А там у вас что? – вдруг спросил он, указывая Кристинке за спину.

Она оглянулась – в уголке был засунут букет роз, уже упакованный и завязанный ленточкой. Но даже глуповатой Кристинке стало ясно, что с букетом что-то не то.

Розы были разноцветные, три темно-желтые, такие называют чайными, а две – ярко-розовые. Они были завернуты в целлофан, но не серебристый, как обычно, а фиолетовый. Кристинка с сомнением покачала головой – какой-то странный букет! – но все же достала его и показала покупателю.

– То, что нужно! Это как раз для нее! – закричал непонятный мужчина. – Потрясающая цветовая гамма!

– Вы уверены, что ей понравится? – осторожно спросила Кристинка, букет внушал ей некоторые опасения.

– Уверен, уверен, – мужчина нехорошо блеснул глазами, – уж она-то его оценит! Давайте, девушка, – он заторопился, – сколько с меня?

Ценника на букете не было, поэтому Кристинка посчитала стоимость пяти роз плюс упаковка. Мужчина, не торгуясь, отдал деньги, схватил букет и убежал. Кристинка посидела еще немного, подумала о том, как хорошо было бы, если бы приехал Стасик и увидел, как она ловко управляет. Тогда можно было бы настучать на Светку, что она самовольно бросила ларек. Стасик Светку уволит, и Кристинка наконец утвердится на работе официально. Но вместо Стасика к ларьку подошел новый покупатель.

– Здравствуйте, девушка, – вежливо обратился он к Кристинке, – а где же Света?

– Я за нее, – настороженно ответила Кристинка.

– Очень приятно, – улыбнулся мужчина.

По мнению Кристинки он был достаточно пожилой, лет пятидесяти, может, и больше, одет в черное кашемировое пальто и приличную шапку. Лица его Кристинка не разглядела, потому что у мужчины были усы, а на глазах очки с дымчатыми стеклами.

– Света вам говорила про букет?

– Ничего не говорила, она быстро убежала.

– Не беда, – улыбнулся мужчина, – поищем сами. Вон там справа прямо за вами он всегда стоит.

Чувствуя неладное, Кристинка повернулась, сделала вид, что искала, а потом спросила упавшим голосом:

– Да что вам надо-то? Что искать?

– Букет из пяти роз, – раздраженно ответил мужчина, – три чайные и три розовые, упакован и завязан.

– Нет там ничего, – грубо ответила Кристинка. – Света вернется, с нее и спрашивайте.

– А когда она вернется?

– Откуда я знаю!

– Нет, так нельзя, – решительно сказал настырный мужчина. – Посмотрите еще.

– Да нет его там! – крикнула Кристинка. – Чего пристал! Возьмите вон другие розы, – опомнилась она.

– Мне нужны чайные, тот букет! Чайных не было ни у кого вокруг, и у Кристинки тоже. Чайные розы очень капризные, плохо стоят, зимой с ними беда.

– Тоже мне, сокровище, – фыркнула Кристинка. – Ненормальный вы, что ли! Такой страшный букет всем вдруг понадобился!

Настойчивый покупатель вздрогнул, сунул голову в окошко и зашипел:

– Продала? А ну говори быстро, шалава, кому отдала букет!

В голосе его было столько злобы, что Кристинка даже испугалась поначалу, однако быстро опомнилась – она в ларьке, а он снаружи, кругом люди, что этот ненормальный может ей сделать? Кроме того, Кристинка сильно обиделась на то, что ее называли шалавой, хоть это и соответствовало действительности.

– Ты, старый козел, пошел отсюда! – спокойно сказала она покупателю. – Нет тут твоего букета.

Хоть она и разговаривала с ним недопустимо грубо, что-то подсказывало ей, что мужчина не будет устраивать скандал. И верно, тот опомнился, посмотрел просительно, потом вытащил из кармана сотенную и сказал:

– Я Свете платил за букет триста, тебе бы тоже столько дал, но если скажешь, куда дела букет, эта – твоя. – Он показал сотенную.

Кристинка оживилась:

– Давно бы так, а то обзывается. Мужик тут приходил, такой лохматый. – Она покрутила руками. – Выбрал тот букет, говорит, его даме он очень понравится.

– Давно был?

– Минут семь.

– Говори толком – мужик молодой, старый?

– Помоложе вас будет, но не молодой.

– Одет как?

– А я помню? – огрызнулась Кристинка, но странный тип помахал перед ней сотенной, и она стала добросовестно вспоминать: – Без шапки, куртка не то синяя, не то серая, мне из окна не разглядеть было, росту вроде среднего... да все равно вы его не догоните!

– Не твое дело! – Мужчина сунул Кристинке деньги и очень быстро побежал к метро.

Глядя ему вслед, Кристинка пожалала плечами.

Я – бабушка. Не подумайте, что я этим хвастаюсь, потому что мне тридцать восемь лет, а внуку два месяца. Этакое свинство устроила мне, естественно, собственная дочь, ей сейчас восемнадцать. Девка она у меня выросла красивая, но не то чтобы глупая, а с ленцой, даже не то чтобы с ленцой, а слишком спокойная. Как-то ничего ей в жизни не надо, ждет, что все само собой придет и получится. А когда это в жизни все само собой выходило? И раньше-то такого не было, а уж в наше время и подавно.

Как я уже говорила, дочка у меня удалась – высокая, волосы хорошие, темные, глаза яркие, белозубая. Внешностью она вся полностью в мою свекровь – красивая была женщина, земля ей пухом, но, не в пример дочери, работающая. А зато характер у дочки папочкин, то есть моего бывшего муженька – все бы ему на диване лежать да телевизор смотреть. Долго я боролась с дочкой. Пробовала искоренить папочкины недостатки, но гены есть гены, против природы не попрешь. Поэтому я смирилась.

Десять классов Лизавета закончила, это верно, но об институте не могло быть и речи – у меня бы не хватило ни физических, ни моральных сил, чтобы заставлять ее учиться пять лет.

Продавщицей в магазин я отдавать ее не хотела: проторгуется – навесят все на нее. А мне потом выплачивать, поэтому я потихоньку пристраивала Лизку работать иод своим присмотром. Сама я за последнее время где только не работала. Вообще-то когда-то давно я работала в государственной организации и считалась программистом, но, скажу честно, не очень хорошим. Во всяком деле нужен талант, это бесспорно. Чтобы никому из нас, женщин-программистов, не было обидно, нас сократили всем отделом, а дальше каждая устраивалась, как умела.

У меня не было ни крутого мужа, ни влиятельных знакомых, ни даже любовника, который бы меня содержал, а была только дуреха-дочка, камнем висящая на шее; правда, был еще любимый человек, но об этом после.

Куда только я ни пыталась приложить свои силы! Работала рекламным агентом в бесплатной газете – ездила по различным фирмам и предлагала им заказывать у нас рекламу. Была агентом по недвижимости. Распространяла газеты, торговала косметикой и канцелярскими принадлежностями. Собирала подписи на выборах в городское Законодательное собрание. И всюду пыталась пристроить с собой Лизавету, но у нее плохо получалось.

Любимое времяпрепровождение моей дочери – сидеть перед зеркалом и расчесывать свои длинные волосы. Не могу не признать, что вид в зеркале достаточно приятный, но нельзя же заниматься этим целыми днями, просто нарциссизм какой-то! И пока я билась как рыба об лед, пытаясь заработать денег на еду и одежду в жуткой суеде и беготне, меня вдруг осенило – Лизку надо выдать замуж за границу! Неужели не найдется иностранца, который не клюнул бы на эту красоту! Подыщем какого-нибудь немца или шведа. Норвегия тоже, говорят, вполне приличная страна, найдем по брачному объявлению, через агентство, все законно, многие молодые женщины сейчас так делают! А одна дочка моей знакомой вышла за латиноамериканца – и тоже все довольны! Характер у моей Лизаветы уживчивый, спокойный, язык она уж там, на месте, как-нибудь выучит, куда денется. И будет дома сидеть, детей воепитывать, мужа любить, ни к чему другому она не приспособлена. А я уж тут как-нибудь одна проживу. Тем более в последнее время появился шанс найти постоянную работу. В одном издательстве уже давно давали мне делать компьютерные наборы – вводить и редактировать тексты. Только раньше это было от случая к случаю, но в последнее время у меня появился шанс работать там постоянно.

Теперь надо только подождать, пока Лизавете исполнится восемнадцать, а потом писать письма, слать фотографии и выбирать не спеша. На это уйдет год, может, и больше, все равно нам торопиться некуда, троглодиту какому-нибудь я ее не отдам – с голоду не умираем! А уж потом, когда я пристрою дочку, займусь собой, оденусь поприличнее, сделаю в квартире косметический ремонт, возобновлю встречи со своим любимым человеком, если к тому времени он захочет со мной знаться. А если нет, найду другого. Все-таки годы идут, давно пора вспомнить, что я женщина.

И пока я так расслаблялась в промежутках между беготней и сидением за компьютером, моя тетеха поднесла мне подарочек.

– Мама, – спокойно сказала она мне как-то вечером, как обычно, расчесывая волосы перед зеркалом, – я выхожу замуж.

– Да? – ничего не подозревая, поинтересовалась я. – И за кого это, интересно знать?

– За Валерика, ты его видела.

– За какого еще Валерика, – раздраженно спросила я, Лизка сбила меня с темпа, и я насажала в тексте ошибок.

– Ну, за Валерика, ты его видела несколько раз, мы с ним уже четыре месяца.

– Четыре месяца – что? – Я оторвалась от компьютера, чувствуя, что работать в этот вечер больше не придется. – Что вы с ним четыре месяца – знакомы?

– Нет, знакомы мы дольше, почти полгода, а четыре месяца мы с ним... ну... это...

– И что дальше? – Я похолодела, предчувствуя недоброе.

– И теперь мы ждем ребенка, поэтому женимся, а ты скоро станешь бабушкой, – безмятежно улыбаясь, закончила эта ненормальная.

– Ты уверена? – почему-то шепотом спросила я. – Ты была у врача?

– Нет, еще рано, но тест показал. У меня немного отлегло от сердца – оставалась надежда, что все новомодные тесты врут. Пока врач не скажет, все неточно, а уж к врачу я ее сама отведу.

– Но как же тебя угораздило? – завопила я теперь уже в полный голос. – Ведь презервативы есть в каждом ларьке!

– Это любовь. – Она по-прежнему улыбалась.

Первый раз в жизни у меня заболело сердце – деточки доведут до могилы!

– Пока не выяснится точно, ни о чем не хочу слышать! – Я ушла спать.

Однако мои надежды не оправдались, все подтвердилось, и меня торжественно познакомили с Валериком, потому что хоть и видела я его несколько раз, но, убей Бог, не могла вспомнить. Вертелась еще из школы вокруг Лизки какие-то парни, я по наивности не придавала этому значения, думала, дети, дети, вот тебе и дети!

Глядя на дочь с женихом, стоящих в коридоре, я поняла только одно: мой внук будет красивым. Валерик был росту метр девяносто, широкоплечий, светловолосый и голубоглазый, про Лизавету я уже говорила. Во всем остальном Валерик был форменный балбес. Он был старше Лизы на полтора года, учился где-то через пень колоду, чтобы в армию не забрали, и подрабатывал, но заработанных денег ему едва хватало на пиво и сигареты. Однако сам себя Валерик очень уважал и считал достойным человеком – как же, женится на девушке, а не бросает. О том, что он сможет дать жене и будущему ребенку, Валерик как-то не думал. Его родители – мать и отчим, обрадовались предстоящей свадьбе до неприличия. Они хотели спихнуть его к нам жить сразу же, но я уперлась – пускай кормят его еще полтора месяца, до дня регистрации, а у нас и так забот хватает. Сказать, что я расстраивалась, – значит, ничего не сказать. Я была в шоке, в ступоре, на нервной почве у меня начались расстройства пищеварения и аллергический насморк. Устроить такой финт! И кто подложил мне эту свинью? Любимая дочь! Все мечты и надежды пошли прахом, а кроме всего прочего, передо мной встали конкретные нерешаемые задачи: как прокормить молодых и на что купить приданое будущему внуку. На свадьбе моя новоявленная сватья с мужем сияли как блины на масленице, а я с трудом сдерживала слезы. Опять я кругом в дураках! Был один непутевый ребенок, стало двое, а скоро будет трое. И как я их всех прокормлю?

Однако действительность превзошла мои самые мрачные ожидания. Я была готова к тому, что у моего молодого зятя будет хороший аппетит, но чтоб такое...

«Ты просто никогда не растила парня, – говорили приятельницы, – они все едят жутко много!»

Молодому, растущему организму Валерика требовалось полноценное четырехразовое питание, порции он ел тройные. Кроме этого, он еще перекусывал между завтраком и обедом и между ужином и завтраком, то есть ночью. Все остальное время он просто через каждые пятнадцать минут лязгал дверцей холодильника, выуживая оттуда все, что найдет. Возможно, я преувеличиваю, но только слегка. Я старалась поменьше бывать дома, чтобы не расстраиваться при виде пустого холодильника, да мне и некогда было. Одной работы в издательстве не хватало, пришлось вспомнить все старые связи и опять заняться рекламой, недвижимостью и так далее.

Мои дети ожидали своего ребенка сообща, зять тоже ел фрукты и витамины, чтобы ребенок родился здоровеньким. Валерик очень быстро прижился в нашем доме. На мой взгляд, он чувствовал себя в нем даже слишком свободно. Я старалась не показывать своего раздражения, но было трудно. Родился внук, теперь, кроме всего прочего, надо было еще покупать памперсы, и я нашла себе еще одну халтуру. Приятельница пристроила. С этой приятельницей, Людмилой, мы столкнулись на улице. Раньше мы с ней работали вместе в той самой государственной организации, из которой нас всех выгнали на улицу. Людмила была постарше меня и, как я помню по прошлым дням, очень работящая и серьезная. В то время мы особенно не дружили, потому что Людмила была одинокая и ко всем нашим семейным и родительским проблемам относилась спокойно. Однако теперь при встрече Людмила обрадовалась. Мы даже

посидели с ней немного в кафе, вспомнили былое. Я пожаловалась на безденежье, и Людмила, немного подумав, предложила мне работу.

Есть такие люди, агенты, они стоят в подземных переходах, на станциях метро и раздают маленькие карточки, на которых написано «Работа», а внизу помельче телефон и имя-отчество, к кому обратиться... Иногда не телефон, а адрес. Название фирмы или организации присутствует очень редко. Скажу сразу, какую работу я предлагаю людям, я понятия не имею. Как говорится, не знаю и знать не хочу. Я просто сую карточки в протянутые руки, и все. Иногда кто-то пытается задавать вопросы – что за работа, какая, но я таких сразу обрываю, – позвоните по телефону и сами все выясните. Ане нравится – не берите. Мне с ними возиться некогда, у меня дома трое оглоедов голодные сидят, ждут, когда я приду и обед приготовлю. Раз в неделю надо заезжать за новыми карточками, их выдает в маленьком задрипанном офисе, сделанном из однокомнатной квартиры, один тип, мы называем его Координатором. Он выдает карточки и нашу жалкую зарплату, а также предупреждает, чтобы не вздумали хитрить и выбрасывать карточки в помойку, у него, мол, есть проверяющие.

Недели три назад мы с Людмилой зашли к нему в офис вместе. Координатор молча выложил передо мной на стол пачку карточек и отпустил кивком головы, назвав место наверху станции метро, очень далекой от моего дома. Людмила вышла вскоре после меня расстроенная и сказала неуверенно:

– Слушай, у меня к тебе просьба. Не могли бы мы с тобой поменяться местами. Сегодня с пяти до восьми вечера тебе надо постоять там-то. – Она назвала переход в метро на моей ветке, оттуда мне до дому всего четыре остановки.

Это хорошо, к полдевятого буду дома, помогу Лизавете выкупать ребенка, а то у зятя руки дырявые. В прошлый раз ребенок чуть не захлебнулся.

– Мне это подходит, а в чем дело?

– В метро, – коротко ответила Людмила и отвернулась.

Действительно, я вспомнила, что у Людмилы была фобия – она совершенно не переносила метро. Еще спускаясь по эскалатору, она начинала бледнеть, задыхаться, могла и сознание потерять. На работу в свое время она ездила только наземным транспортом, тратя на дорогу вдвое больше времени. Поэтому отстоять три часа в переходе под землей для Людмилы было нереально.

– Ты вот что, – продолжала Людмила, – где-то около семи подойдет к тебе один такой с букетом – пять роз, желтые и розовые, и спросит, так вот, для него сегодня ничего нет.

– А что ему нужно-то? – начала было я.

– Это тебе неинтересно, – твердо ответила Людмила. – Твое дело передать.

И я согласилась – действительно, мне это абсолютно неинтересно, у меня своих забот хватает.

В ту пятницу и правда подошел ко мне невысокий мужчина в куртке и кепочке а-ля Лужков с жутким букетом – три чайные розы и две ядовито-розовые, и все это упаковано в сиреневый целлофан. Мужчина с букетом вопросительно заглянул мне в глаза, но я, как учили, отрицательно покачала головой. Тогда он незаметно исчез, просто растворился в окружающей меня толпе. На следующую неделю меня послали в другое место, тоже в метро, но станция была так далеко от моего дома, что я потихоньку уговорила Людмилу опять поменяться, да она и сама была не против. Владелец букета выскочил у меня из головы. Пока я не увидела его снова, то есть букет, потому что человек был другой – худой, бедно одетый старик, с неопрятной бородой. Опять я отрицательно покачала головой и забыла про него до следующей пятницы. Потому что в следующую пятницу Людмила очень извинялась и сказала, что сегодня вообще не может работать. Ей надо к врачу, появился какой-то не то экстрасенс, не то гипнотизер, и он якобы может вылечить ее фобию, так что через несколько занятий она станет нормальным человеком, главное – надеяться. И опять около половины восьмого я стояла на прежнем месте

и увидела знакомый букет. Мне даже показалось, что розы искусственные, настолько неестественными были сочетания цветов. И опять букет был таким же, а мужчина другой – человек средних лет в короткой дубленке и ондатровой шапке. И снова я с извиняющимся видом улыбнулась – нет, ничего нет.

И вот сегодня, опять в пятницу, я стояла в том же самом переходе, потому что экстрасенс не спешил вылечивать Людмилу, а только тянул деньги. И сегодня я с нетерпением поджидала жуткий букет, потому у меня для него кое-что было. Народ, как всегда в переходе метро, шел сплошным потоком, я механически совала им карточки и краем глаза увидела желто-фиолетовое пятно. Букет неся с крейсерской скоростью и проскочил мимо меня с налету. В первый момент я растерялась, а потом решила, что он меня просто не заметил, потому что рядом стояла Гертруда Болеславовна со своей скрипкой.

С Гертрудой мы познакомились там же, на месте, и теперь при встрече приветствовали друг друга как близкие приятельницы. Гертруда Болеславовна всю жизнь проработала в оркестре Филармонии. Конечно, она не была первой скрипкой, но все-таки профессионализм не скроешь. Опять же, классический репертуар. Во всяком случае, слушать ее было куда приятнее, чем пьяного мужика с баяном, исполняющего «Когда б имел златые горы». Так что против ее соседства я ничего не имела, мы подружились на почве внуков. Гертруда рассказала, что если бы не внуки, то ей вполне хватало бы пенсии, но внук собирается покупать машину, а внучка учиться в университете, так что денег нужно немерено, родители не успевают зарабатывать. Я согласилась с ней от всей души, но расстроилась. Гертрудиному внуку было двадцать лет – неужели и мне придется тянуть своего до такого возраста? Столько мне не выдержать!

И вот теперь, под музыку Брамса (это еще что, когда Гертруда была в ударе, она и Паганини исполняла), букет уплывал от меня в толпе. Я встряхнулась и бросилась его догонять. Если я не исполню поручения, до Координатора дойдет, что мы с Людмилой меняемся местами, ему это может не понравиться, я подведу Людмилу и могу лишиться работы. Поэтому я в два прыжка догнала мужчину с букетом и тронула его за рукав.

– Возьмите, пожалуйста, это для вас.

– Что это? – Он недоуменно глядел на карточку, что я ему протягивала.

С виду это была точно такая же карточка, как те, что я раздавала людям. Видя, что мужчина медлит, я всунула карточку ему в руку и пошла на свое место рядом с Гертрудой, успев краем глаза заметить, как мужчина – он был опять другой – довольно высокий, лохматый и бородатый, в расстегнутой куртке – оглянулся по сторонам, как бы в поисках урны для мусора, а потом машинально сунул карточку в карман. Стоя рядом с Гертрудой, я пожалала плечами, а потом, вспомнив спасительное «не мое дело...», успокоилась.

Но, как выяснилось, рано, потому что буквально минут через семь-восемь на меня налетел сумасшедший тип в черном кашемировом пальто в очках и с усами.

– Было что-нибудь для букета? – запыхавшись, вполголоса спросил он.

– А вам какое дело? – хотела было сразу послать его я, но Гертруда Болеславовна увлеклась исполнением Мендельсона. И я подумала, что не расслышала.

– Что вы сказали? – спросила я, машинально протягивая ему карточку.

– Да ты что мне суешь? – Судя по всему, он собирался заорать. Но сдерживался из последних сил. – Я спрашиваю – букет проходил тут, есть для него что-то?

– А вы кто? – опомнилась я. – Что вам от меня надо?

Он схватил меня за руку и увлек в сторону. Я не сопротивлялась – разговаривать под Мендельсона было невозможно, к тому же мы мешали Гертруде сосредоточиться.

– Не тяни время, а то хуже будет, – предупредил меня мужчина.

Я быстро прикинула в уме, если я буду скандалить, он пожалуется Координатору, раскроется наша подмена, меня выгонят. А хоть и не Бог весть какие деньги, но в моем положении

никакую работу терять нельзя. И к тому же тот лохматый с букетом вел себя странно, карточку я впихнула ему насильно, очевидно, и правда получилась накладка.

– Ладно, – решила я, – был тут один с букетом. Такой лохматый и с бородой, я ему отдала все, что было.

– Давно был? – прямо вскинулся мужчина, мне даже показалось, что он пробормотал какое-то ругательство.

– Семь минут всего, вон туда пошел, на ту ветку. И больше я ничего не знаю, оставьте меня в покое! – Я уже стояла рядом с Гертрудой.

Мужчина резво бросился вперед по переходу, но по дороге споткнулся о Гертрудину раскрытую сумку для денег. Денег там было негусто, все больше мелочь, но все равно неприятно.

– Гражданин, вы что, с ума сошли? – закричала Гертруда. – Соберите!

– Да отцепись ты! – крикнул он и попытался Гертруду оттолкнуть. Но это, доложу я вам, занятие бесполезное, потому что росту в ней не меньше метра семидесяти и весу соответственно много, и на ногах она стоит весьма крепко – натренировалась в переходе.

Поэтому, убедившись, что в лоб ему с Гертрудой не справиться, мужчина нагнулся, якобы для того, чтобы помочь, а сам ловко обошел Гертруду сбоку и бросился дальше по переходу.

– Чтoб ты провалился! – крикнула Гертруда ему вслед.

Тут мы немного отвлеклись на собиpание честно заработанных Гертрудой денег, а когда подняли головы, то увидели, что мужчину в кашемировом пальто кто-то подвел к стене метрах в пятнадцати от нас, и что он, совсем бледный, закатил глаза и оседает на пол.

– Что это с ним? – ошеломленно спросила Гертруда.

– Вы же ему пожелали... вот и...

– Ой, я не хотела! – испугалась Гертруда. – Наталья, пойдй посмотри, как он там, а я посторожу.

Я сунула в сумку карточки и пошла поближе к тому типу. Вокруг толпились какие-то теткй, кто-то совал ему валидол. Мужчина открыл глаза, начал вставать, бормоча: «Ничего, ничего, все в порядке, это сосудистое, от духоты». Он встал, снял очки и пригладил усы. Усы были пышные, но какие-то лишние на его лице, абсолютно ему не шли. Мужчина уже удалялся, торопливо и озабоченно. Я глядела ему вслед, недоумевая. В его походке, во всем его виде со спины было что-то знакомое.

Мужчине с букетом не повезло. В метро случилась какая-то авария, он ждал минут семь, а потом смог сесть только в третий по счету поезд, потому что боялся помять букет, так было набито. Все время в толпе он держал букет высоко над головой, так что его было хорошо видно. Выйдя на поверхность на своей станции, мужчина с букетом вдруг вспомнил, что забыл дома записную книжку и не знает точного адреса, куда идти. Он поискал глазами телефонную будку и куда записать адрес. В кармане он ничего не нашел, странно, была же бумажка, которую сунула ему женщина в переходе чуть не силой. Да ладно, вон их сколько стоит, все работу предлагают, жулики! Он схватил карточку у женщины возле лотка с газетами и скрылся в телефонной будке. Его преследователь следил за ним издалека, чтобы не обнаружить себя, поэтому не видел всех манипуляций, а заметил только, как интересующий его объект после разговора по телефону записал что-то на карточке и убрал ее в бумажник.

Дома в этот вечер стоял дым коромыслом, причем в самом буквальном смысле слова. Мои дети сидели на кухне с Кристиной, Лизветиной школьной подружкой. Мне кажется, Лизка поддерживает с ней дружбу назло мне, чтобы я не забывалась, всегда имея перед глазами пример гораздо хуже Лизветы. Сама по себе Кристина девчонка неплохая.

Добрая и невредная, но мозгов у нее нет совершенно. Кристина вела отрицательный образ жизни, болталась у ларьков, иногда не ночевала дома. С грустью глядя, как на ее хоро-

шенькой мордочке проступает легкая одутловатость и ясно обозначаются мешки под глазами, я искренне желала, чтобы Бог дал ей хотя бы не ума, а бабьей житейской хитрости, тогда Кристинка смогла бы найти себе какого-нибудь парня и главное – его удержать.

После рождения внука я сделала Лизавете строгое предупреждение – выставить Кристинку вон.

– Она везде болтается, спит с кем попало, ты что, хочешь заразу в дом получить?

– Да что ты, мама, – хлопала глазами моя курица, – ты же сама говорила, что презервативы в каждом ларьке.

– Ну-ну, – вздыхала я.

В общем, ребенок вякал в комнате, а эти мерзавцы курили и пьянствовали на кухне – на столе стояли две бутылки «Монастырской избы». Хотела бы я знать, на какие деньги их купили? Утром зять стрельнул у меня десятку якобы на молоко, но я сильно подозреваю, что на сигареты.

– Привет, – сказала я, стоя в дверях. – Лизавета, ты с ума сошла, хочешь, чтобы ребенок стал алкоголиком?

– Мам, я немножко, – заныла Лизка, – это же сухое, чистый виноград... Кристинка принесла.

– Здравсте, тетя Наташа, – закивала Кристинка, – вот, на заработанные деньги купила.

– И где же ты их заработала? – поинтересовалась я.

Лизка с мужем захохотали.

– Чушь несет какую-то, якобы мужик ей сто рублей просто так дал, за красивые глаза.

Кристинка не обижалась, но стояла на своем. Она начала туманную историю, про ларек, про Светку, про разноцветный букет. Я машинально двигала кастрюли и разбираала сумки с продуктами. Разноцветный букет роз меня насторожил, и Кристинка, гордая, что ее внимательно слушают, довольно связно пересказала мне историю про чайные розы и про двух мужчин, которые так помогались букета. Задав несколько наводящих вопросов, я выяснила, что букет был тот же самый, что у того лохматого мужчины, которому я насильно всунула карточку и который сел в метро на нашей станции, там, где живу я. И второй тип был тот же самый. Очевидно, у него с продавщицей Светой была договоренность покупать в пятницу такой букет, а лохматый случайно перехватил. И я, вернее не я, а приятельница Людмила, должна была «этому букету» что-то передать, какую-то информацию. Интересно какую? Последние слова я мысленно произнесла вслух совершенно машинально, потому что все мысли вытеснил из головы абсолютно вопиющий факт – кончились голубцы.

Когда мы жили с Лизаветой вдвоем, я, как всякая нормальная работающая женщина, в субботу брала дочку и шла на продуктовый рынок. Продуктов, купленных там по оптовым ценам, нам с Лизаветой хватало на неделю. С зятем такая практика, сами понимаете, оказалась абсолютно неприемлемой – как ни набивай холодильник, еды хватало ровно на сутки. Дальнейшее показало, что такие продукты, как сыр, ветчина, и прочие деликатесы следует из рациона исключить, если я хочу хотя бы просто удержаться на плаву. Валерик ел ветчину и сыр без хлеба, просто куском. Он считал, что много экономит на батонах. В полном отчаянии я обратилась за советом к подругам.

Одна знакомая моей знакомой, у которой были муж, двое парней, еще кот и собака, тоже мужского пола, высказалась категорично – с мужиками надо готовить! Это вы двое могли попить чайку, поклевать что-нибудь – с мужчиной такой номер не пройдет.

Легко ей говорить, она не работает, только таскает сумки и стоит у плиты, так все равно на два дня обед не получается!

«Возьми себя в руки!» – призывали ПОДРУГИ.

Дельный практический совет дала мне соседка-пенсионерка. На триста семьдесят рублей пенсии не разбежишься, поэтому жизнь заставляет быть изобретательной.

«Блинчики с мясом и рисом или с творогом, а также голубцы! – говорила соседка. – Готовишь сразу много, хватит на несколько дней».

На несколько дней – вряд ли, но хоть на двое суток... И вот вчера я, как дура, целый вечер делала голубцы, налепила их тридцать семь штук, всю ночь видела во сне капусту, но зато два дня я могла быть спокойна.

Сегодня же, открыв кастрюлю, я увидела сиротливо лежащий на дне один-единственный голубец, который мой заботливый зять оставил голодной теще.

– Это все? – холодно поинтересовалась я, указывая на голубца-одиночку.

– Да, мам, ты знаешь, они такие вкусные, Валерику очень понравились...

Тридцать семь штук! Ну конечно, вчера поели, и утром я не догадалась пересчитать, но все же – тридцать семь штук!

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я этого троглодита.

Он не уловил иронии в моем голосе и ответил, вежливо улыбаясь:

– Спасибо, Наталья Евгеньевна, все хорошо.

Ночью, напившись вина, мои дети занимались любовью. Через тонкую стеночку я слышала каждый звук. Ребенок плакал в кроватке, но они не обращали внимания. Я натянула на голову подушку, но ничего не помогало – звуки доносились и так. Младенец прямо захлебывался, я еле сдерживалась, чтобы не постучать в стенку – не хватало еще, чтобы меня возненавидела собственная дочь! Может, брать внука на ночь к себе? Но тогда я не буду высыпаться и не смогу работать. Как будто сейчас я сплю! Надо будет переставить диван к другой стенке.

Наконец действие закончилось, и Лизавета пошлепала к ребенку. Своими руками задушила бы человека, который проектировал наши блочные дома!

Владимир Иванович Пятаков не любил ненормативной лексики. То есть, попросту, не ругался матом. Он объяснял это своим друзьям так: «Я не использую эту лексику, как язык чуждой мне социальной группы».

Владимир Иванович был художником и считал, что для творческой интеллигенции мат недопустим. Друзья приводили ему в пример многих известных художников и писателей, виртуозно владеющих этой самой ненормативной лексикой, но Владимир Иванович отвечал, что многие русские хорошо говорят по-французски, но все равно это не их родной язык. Французский – это язык французов. А мат... не язык интеллигентного человека.

Но сегодня у Пятакова было сильнейшее желание поступиться принципами и громко выругаться матом. Аделаида Верченых пригласила его на открытие своей выставки. На вернисаж.

Владимир Иванович испытывал к Аделаиде простое и чисто человеческое чувство: он ее на дух не переносил. Но как часто человеку приходится утаивать свои чувства от окружающих, а в особенности от самого предмета чувств! У Аделаиды был в городских художественных кругах большой вес. В общем-то, ее собственный живой вес, как выражаются в свинооткормочных совхозах и на мясокомбинатах, тоже был весьма велик и служил постоянной мишенью для примитивного юмора окружающих... но только за спиной, только за спиной... В лицо Аделаиде все безбожно лестили. Один раз... один только раз скромный серьезный график Пустынский посмел чуть критично отозваться об одной из работ Аделаиды. И где теперь Пустынский? Рисует на асфальте в столице центральноафриканского государства, которого даже нет на карте! Аделаида стерла его в порошок. «Воинствующая бездарность» – самое мягкое определение, которым награждали Пустынского в прессе. Ни одна галерея не пускала его на порог. Вот какой человек Аделаида Верченых.

И вот теперь она невесть с чего прониклась симпатией к Пятакову и пригласила его на вернисаж...

Владимир Иванович рычал. Он ходил по квартире своей тещи, как ходит ревнивый тигр, когда его тигрица в соседней клетке строит глазки какому-то уссурийскому уроду. Хуже всего было то, что на вернисаже придется безудержно хвалить жуткую Аделаиду мазню. Что делать? Как сохранить чувство собственного достоинства и при этом не испортить отношения со всеми галереями города, то есть не перекрыть единственный тонкий финансовый ручеек, не дающий пропасть с голоду в наше трудной время?

И тут в светлой (и очень кудлатой) голове Пятакова мелькнула идея, которая могла родиться только у художника. Идея была так хороша, что Владимир Иванович радостно засмеялся, отчего теща пришла в некоторое недоумение.

– Я ей такую гамму составлю! – пробасил художник. – У нее глаза на лоб вылезут!

Идея заключалась в том, чтобы преподнести мерзкой Аделаиде букет цветов немислимого цветового сочетания, вопиюще уродливого. Обычному человеку на такое было бы, в общем, наплевать – подумаешь, некрасиво и некрасиво, но для художника это будет удар, шок – все равно что для музыканта невыносимое, режущее слух сочетание звуков.

Довольный своей идеей цветовой мести, Владимир Иванович распрощался с тещей и отправился к метро. Здесь ему невероятно повезло – какой-то идиот уже приготовил такой отвратительный букет, что Пятаков только крикнул от удовольствия. Он купил это страшилище и нырнул в метро. Времени было в обрез, он торопился и не обращал внимания на окружающую жизнь. Правда, на переходе какая-то удивительно настырная женщина буквально силой всучила ему карточку с очередным жульническим предложением – то ли как похудеть, то ли как разбогатеть, то ли и то и другое сразу. Он сунул карточку в карман и забыл о ней.

Добравшись до нужной станции, Владимир Иванович неожиданно осознал, что не помнит ни номера дома, ни номера квартиры или офиса – или как там называется то место, где Аделаида проводит свою идиотскую вечеринку. Надо было звонить, таксофонная карточка у него была, но не было записной книжки или хотя бы листка, куда записать адрес. Он огляделся по сторонам и, конечно, увидел еще одну женщину, раздающую рекламные бумажки. Телефон был поблизости и, как ни странно, работал.

Владимир Иванович записал адрес и засунул карточку в бумажник.

Нужный дом он нашел без труда. Аделаида встречала гостей в дверях, и выглядела она так, как могла бы выглядеть самка попугая, если ее раскормить до центнера с небольшим.

Пятаков, предвкушая удовольствие, с радостной улыбкой протянул ей свой сногшибательный букет... и улыбка постепенно сползла с его лица, потому что Аделаида была в полнейшем восторге! Она прижала Пятакова к своей необъятной груди, расцеловала и поблагодарила чуть не со слезами на глазах!

«Э, ребята, – подумал потрясенный Пятаков, – да она же дальтоник».

Разочарованный Пятаков огляделся по сторонам. Вернисаж был вполне обычный. Аделаидины картины развесили среди потрясающих унитазов – оказывается, помещение для выставки было предоставлено местным отделением крупной западной унитазной фирмы. Унитазы были необычайно живописны и явно затмевали живопись Аделаиды. Но это мало кого волновало: публика пришла не за эстетическими впечатлениями, а пообщаться, подлизаться к влиятельной Аделаиде и выпить шампанского на дармовщинку. Шампанское разносили удивительно длинноногие девушки совершенно западного образца – сотрудницы унитазной фирмы, предоставленные заодно с помещением.

Пятаков через каждые три шага попадал в объятия знакомых, цветисто излагавших свое мнение о выставке. Конечно, тут был обязательный Шанхайский с женой, который, углядев в другом конце зала критика Бультерьерского, возмущенно воскликнул:

– Ну, что за человек этот Бультерьерский! Ни одного мероприятия не пропустит, где бесплатную выпивку дают! Куда ни приду – он тут как тут!

Вскоре появился и вальяжный Валидолов, демонстративно безразличный к европейским девушкам и похотливо похлопывающий по бицепсам случайно залетевших на огонек молодых рекетиров.

В общем, все было как всегда, и Владимир Иванович с облегчением покинул вернисаж при первой же возможности.

Бультерьерский пытался прямо в дверях спровоцировать его на критическое высказывание в адрес Аделаиды и ее творчества, но весь город хорошо знал, что каждое слово, услышанное Бультерьерским, доходит до Аделаиды в тройном размере и с эффектными комментариями, поэтому Пятаков был тверд – граница на замке, стража на Рейне, – и Бультерьерский уполз разочарованный.

Владимир Иванович с завидной легкостью поймал частного, добрался до своего дома в какие-нибудь двадцать минут и вошел в родной, глубоко ненавидимый подъезд. Последний был в своем репертуаре: все лампочки разбиты или вывинчены жаждущей интима молодежью, и темнота стояла такая, что об нее можно было ушибиться. Пятаков, чертыхаясь, продвигался к лифту, на шаривая ногой ступеньку, как вдруг на его затылок обрушился такой удар, что... сказать «свет померк в его глазах» нельзя, потому что темнота уже упоминалась. Во всяком случае, несчастный художник лишился сознания и рухнул как подкошенный на грязный пол, покрытый старой метлахской плиткой.

Невысокий худощавый мужчина в черном кашемировом пальто нервничал. Сегодня все пошло наперекосяк. Вместо его знакомой продавщицы в ларьке сидела новая шалава, да еще и потрясающая дура. Его постоянного букета не было, другой составить было не из чего.

Мужчина, торопясь, доехал до пересадочной станции, где нужно было проверить «почтовый ящик». Последние недели заказов не было, но сегодня – кто его знает? По закону подлости вполне может быть заказ. Подходить к женщине без букета не имело смысла, даже опасно, но мужчина очень нервничал, потому что упустить заказ – значило уронить свою профессиональную марку, бросить тень на свое доброе имя – в его профессии это не только недопустимо, а просто опасно.

По ответу женщины с карточками он понял, что в системе произошел грандиозный сбой, она отдала карточку с заказом другому, совершенно постороннему человеку. Случайно? А может, кто-то проследил, вычислил всю систему связей и теперь идет по ней, чтобы перехватить заказы, а может, добраться до заказчиков, шантажировать их? Нет, скорее всего, это нелепая случайность. Мужчина бросился вдогонку за букетом, и тут случилось то, из-за чего можно было безвозвратно потерять репутацию и остаться без куса хлеба на старости лет: в глазах потемнело, в висках забилась тоскливая тупая боль, станция метро поплыла, как палуба парохода... Он пришел в себя очень быстро, какие-то люди поддерживали его, кто-то совал валидол. К счастью, приступы были недолгими, но ведь такое могло застать его в самый ответственный момент, поставив под угрозу выполнение заказа...

Мужчина рванул из поддерживающих его рук и бросился к подъезжавшему поезду, потому что увидел, как букет плывет над толпой. Он едва успел втиснуться в закрывавшиеся двери. На следующей станции он перешел в соседний вагон, потом – дальше, пока не увидел лохматого человека с тем самым букетом. Выследить человека дальше было нетрудно – букет был лучше любого радиомаяка. Уже наверху кудлатый позвонил по телефону, потом записал что-то на той самой карточке. Пожалуй, можно вздохнуть с облегчением: это не противник, не конкурент. Судя по тому, как легкомысленно он относится к карточке с заказом, это – случайный человек, произошло просто дикое стечение обстоятельств. В помещение, куда вошел человек с букетом, посторонних не пускали, это, в общем-то, к лучшему, кашемировое пальто решило дожидаться кудлатого чудака снаружи.

Ждать пришлось не очень долго – лохматый ушел одним из первых, разумеется, уже без букета. Чтобы проследить за ним до подъезда, пришлось угнать машину – к счастью, поблизости нашлась «пятерка» без сигнализации, а завести без ключа сможет и школьник.

Кудлатый в темноте, чертыхаясь, искал ступеньки. Он не заметил, как следом за ним в подъезд проскользнула бесшумная тень. Профессиональный удар по голове отключил его как минимум на десять минут. Теперь предстояло самое сложное: тщательно обыскать его в темноте, потому что пользоваться фонариком небезопасно, время еще не позднее, в подъезд могут войти. Вот бумажник... больше в карманах ничего интересного не было.

Мужчина в черном пальто спокойно вышел из подъезда, сел в машину и отъехал подальше в переулок. Там он осмотрел содержимое бумажника своей жертвы. Его ждал неприятный сюрприз – в бумажнике было две карточки примерно одинакового формата. На одной был напечатан номер телефона – судя по первым трем цифрам, телефон был недалеко от Технологического института, и всего три слова – Работа. Нина Ивановна. Это было похоже на обычную форму заказа. Вторая карточка была не так лаконична.

Номер телефона там тоже присутствовал, но, кроме того, был следующий текст:

«Белая Галина вернет тебе любовь.»

Черт, какая же из двух нужная? Скорее всего, первая: телефон и имя, никакой лишней информации. Что ж, пора приступать к выполнению заказа.

В старом Петербурге, неподалеку от станции метро «Технологический институт», есть район, который издавна называется Семенины. Название это пошло оттого, что здесь квартировали солдаты лейб-гвардии Семеновского полка. Семенцы – тихий, достаточно глухой район, состоящий из шести улиц, пересекающих Клинский проспект. Чтобы запомнить названия улиц, точнее их порядок, старожилы придумали поговорку: Разве Можно Верить Пустым Словам Балерины. По первым буквам слов поговорки идут улицы в Семенцах: Рузовская, Можайская, Верейская, Подольская, Серпуховская и Бронницкая.

В Семенцах на Подольской улице жила в коммунальной квартире Нина Ивановна Крупенина. Когда-то Нина Ивановна работала инженером в крупном военном НИИ, говорили, что инженером она была хорошим. Однако потребность в инженерах, даже в хороших, понемногу отпала, Нина Ивановна полгода не получала зарплату, потом смогла поступиться принципами (ей это было несложно, потому что голод не тетка) и устроилась работать в сомнительную коммерческую фирму телефонным диспетчером. Работа ее заключалась в том, чтобы отвечать на звонки людей, жаждущих трудоустроиться, и сообщать им, что они должны прийти такого-то числа по такому-то адресу, имея при себе двести (триста, четыреста, в зависимости от момента) рублей. Деятельность коммерческой фирмы заключалась в том, чтобы эти деньги у людей отбирать в обмен на неясные перспективы высокооплачиваемой работы. Нина же Ивановна про это не знала или, по крайней мере, не задумывалась. Платили ей немного, но у ее работы были дополнительные преимущества, для нее неоценимые. Во-первых, не нужно было тратить деньги на дорогу, а при ее зарплатке это была существенная статья расхода, и, во-вторых, она была избавлена от ежедневного непереносимого стресса: ей не приходилось рано вставать и втискиваться по утрам в битком набитый автобус, видеть вокруг озлобленные не выпавшиеся лица, выслушивать чью-то брань и сомнительные рассуждения о политике или о собственной внешности. Кроме того, меньше приходилось тратить и на одежду с обувью – зачем обновки, если никуда не выходишь?

Так и сидела Нина Ивановна дома, выбираясь только в магазин за продуктами да два раза в месяц в свою фирму за скудной зарплатой.

Этим утром Нина Ивановна проснулась довольно рано – ее разбудило смутное беспокойство. Она вышла на кухню вскипятить чайку и еще застала свою соседку Гертруду Болевскую – интеллигентную женщину, которая почти весь день проводила со своей скрипкой

в переходе метро. Однако сегодня Гертруда собиралась к своей дочке ждать там сантехника, потому что дочка с мужем работали с утра до вечера. Закрыв за ней двери и выпив чашку чая, Нина Ивановна занялась мелкими домашними делами, которые никогда не кончаются, сколько времени на них не тратить. Телефон у нее был в пределах досягаемости, так что она как бы уже работала.

Но зазвонил неожиданно не телефон, а звонок на входной двери. Нина Ивановна вытерла руки фартуком и глянула в глазок. Время беспокойное, и хоть красть в их квартире было нечего, потому что скрипку Гертруда взяла с собой, собираясь вечером постоять немного в переходе, но, как говорится, береженого Бог бережет.

На лестничной площадке стояла незнакомая женщина средних лет, так же, как Нина Ивановна, по утреннему времени непричесанная, в халате и домашних шлепанцах. Вид у нее был весьма недовольный.

– В чем дело? – недоуменно осведомилась Нина Ивановна.

– В чем дело? Откройте! Вы меня заливаете!

Нина Ивановна испуганно загрохотала замками. Протечки были ее кошмаром. В их доме такие ненадежные перекрытия, что достаточно было пролить на пол стакан чаю, чтобы у соседей снизу на потолке появилось пятно. Правде, эту женщину Нина Ивановна раньше вроде бы не видела, но кто знает, внизу квартира населенная, люди меняются часто, наверное, это новая жиличка...

Нина Ивановна открыла дверь, и женщина сразу направилась к ванной. Нина Ивановна шла следом, горячо оправдываясь:

– Я сегодня вообще воду не включала, даже пол не мыла!

– Не знаю, не знаю! У меня такая протечка, что просто ужас! Прямо под вами! Не верите, сейчас ко мне пойдем! Наверняка у вас в ванной протекло!

Они открыли дверь ванной комнаты, и Нина Ивановна, опередив соседку, встала на четвереньки, чтобы осмотреть пол. Пол был совершенно сухой.

– Ну, посмотрите сами! – сказала она незнакомке. – Совершенно сухо!

Женщина наклонилась к ней и неожиданно быстрым движением прижала к ее лицу тряпку, смоченную остро и неприятно пахнущей жидкостью.

Нина Ивановна пыталась оттолкнуть ужасную женщину, ее возмущению не было предела. Она старалась убрать от лица пахучую тряпку, но у мнимой соседки оказались неожиданно сильные руки, а сама Нина Ивановна почувствовала вдруг сильнейшую слабость. Руки не слушались ее, в глазах потемнело, по темному полю замелькали радужные пятна... и сознание ее оставило.

Мнимая соседка убрала в карман халата пахучую тряпку и достала пузырек с прозрачной жидкостью. Она запрокинула голову жертвы, приоткрыла ей рот и капнула на язык несколько светлых капель. Затем она взяла стакан с полочки возле раковины, налила в него немного воды и вылила эту воду в приоткрытый рот Нины Ивановны.

Тело судорожно дернулось и замерло навсегда. Женщина придала труп более естественное на ее взгляд положение, вытерла тряпкой все, к чему прикасалась в ванной комнате, сняла халат, надетый поверх обычной одежды, привела в относительный порядок волосы и, еще раз оглядевшись и убедившись, что никаких следов ее пребывания в квартире не осталось, ушла. Замок в двери защелкивался автоматически, ей не пришлось искать ключи. Ее зимняя одежда и уличные сапоги были припрятаны в укромном месте на площадке нежилого верхнего этажа.

Переодевшись, невзрачная женщина средних лет неторопливо спустилась по лестнице и вышла из дому. Даже если бы кто-то ее и увидел в парадной, то не обратил бы внимания и не запомнил.

Дома ее ждал муж, не находя себе места от волнения.

– Ну как, Машенька, как все прошло? – встретил он ее традиционным вопросом прямо в дверях квартиры.

– Не волнуйся, Митенька, все в порядке. Как планировали, так все и получилось, никаких сбоев, никаких неожиданностей.

– Ну слава Богу! Чайку выпьешь, или кофе тебе сварить?

– Да что-то у меня, Митенька, аппетит разыгрался. Давай-ка прямо сейчас пообедаем. У меня борщ вчерашний остался, и по котлетке...

– Давай, милая. Никто тебя в доме не видел?

– Никого я не встретила. Да если бы и встретила, кто меня запомнит?

– Ну что ты, – улыбнулся муж, – ты же у меня красавица!

– Только для тебя, милый. Только для тебя.

Двое немолодых людей жили душа в душу. Детей у них не было, как-то так, не было, и все. Они этим не интересовались, им и вдвоем было хорошо, и жили они друг для друга. У них были общие интересы, общие увлечения, даже отчество у них было одинаковое, она Марья Дмитриевна, он – Дмитрий Дмитриевич, так что люди малознакомые даже спрашивали иногда, кто они – муж и жена или брат и сестра. Что касается общих интересов, главным у них был горячий интерес, можно сказать – страсть к старинному немецкому фарфору. Если бы к ним зашел гость, он был бы поражен стройными рядами фарфоровых драгун и гренадеров, живописными группами торговцев и пастушек, чудными берлинскими тарелками, развешенными по стенам, и мейсенскими невесомыми чашечками в горках. Даже часы, мелодично отбивавшие время у них в гостиной, были из белопенного саксонского фарфора, даже зеркало в спальне обрамляли фарфоровые вычурные рамы.

Правда, гостей у них не бывало: боялись хозяева за свою бесценную коллекцию, поставили двойные бронированные двери с немецкими сейфовыми замками и жили за этими дверьми по принципу «Мой дом – моя крепость».

Именно коллекция требовала больших денег, в остальном супруги жили скромно, вели жизнь незаметную, тихую, одевались неброско, что, впрочем, объяснялось в значительной степени их необычной профессией.

Сначала, конечно, только Дмитрий Дмитриевич занимался «выполнением заказов». Марья Дмитриевна долго не догадывалась о происхождении его заработков, а когда узнала – очень переживала, ночей не спала... Но она была так привязана к мужу... все, что он делал, казалось ей правильным и достойным, а хорошие заработки позволяли с уверенностью смотреть в завтрашний день.

Годы шли, Дмитрий Дмитриевич был еще далеко не стар, но здоровье выкинуло с ним отвратительную штуку: у него начались головокружения и даже обмороки. При его профессии это было чрезвычайно опасно: обморок мог случиться в самый ответственный момент, когда нужно нажать на спусковой крючок или замкнуть разрядник взрывателя. Высокая профессиональная репутация оказалась под угрозой.

И тогда верная жена предложила принять на свои хрупкие женские плечи часть профессионального груза, надо сказать, наиболее ответственную часть.

Дмитрий Дмитриевич получал заказ, изучал объект, место проведения операции, выбирал способ, подготавливал необходимое оборудование, тщательно продумывал план проведения операции – и затем на сцену выходила Марья Дмитриевна.

Скоро они поняли, что такой метод работы имеет свои неопределимые преимущества: скромная немолодая женщина может войти туда, куда мужчину зачастую не пропустят; ей доверяют гораздо больше; ее совершенно не запоминают свидетели, и даже если кто-то и обратит на нее случайно внимание – она все равно не вызовет никаких подозрений.

Так и пошло у них дело – муж занимался всей подготовительной работой, а потом, волнуясь, ждал жену с операции, встречал ее с заботой и нежностью. Их семейная жизнь наполни-

лась еще большей теплотой и любовью, чем прежде – ведь теперь они работали вместе, делали одно общее дело.

За обедом Дмитрий Дмитриевич сказал жене:

– Машенька, вчера на Пестеля такой Хёхст видел – сказка! Дама с собачкой, состояние изумительное! Надо бы поехать, посмотреть.

– Хорошо, Митенька, съездим. Сейчас-то денег нет, а вот с этого заказа, может, и сможем себе позволить... – Б ее голосе зазвучали мечтательные нотки.

В ближайшую среду после выполнения заказа Дмитрий Дмитриевич поехал к Финляндскому вокзалу.

Неподалеку от вокзала на улице Комсомола, висел на стене дома обычный почтовый ящик. Все в нем было обыкновенное, кроме того, что его не существовало по документам учреждений связи.

Он висел на границе территорий, обслуживаемых соседними почтовыми отделениями, и сотрудники девятого отделения считали, что письма из него вынимает седьмое, а сотрудники седьмого – что девятое. В действительности письма из него вынимал раз в неделю Дмитрий Дмитриевич. Он подъезжал к ящику на своих скромных «Жигулях», подсоединял к нему холщовый мешок, такой же, как у настоящих почтовых работников, открывал ящик специальным ключом и забирал почту. Если бы по какой-то причине настоящий почтовый работник попробовал вынуть письма из этого ящика, у него ничего не получилось бы – к ящику подходил только ключ Дмитрия Дмитриевича.

Вынув письма из ящика, мнимый почтовый работник тщательно разбирал их, обычные письма он просто опускал в другие почтовые ящики, так что адресаты потом удивлялись, почему это письмо идет так долго, а вот письма, адресованные в город Борисоглебск Самарской области, Дмитрий Дмитриевич вскрывал и находил в них стопочку шуршащих зеленоватых купюр – гонорар за очередной выполненный заказ.

Конечно, такое письмо приходило далеко не каждую неделю и даже не каждый месяц, но почту он вынимал еженедельно, чтобы ящик не переполнялся и адресаты не стали выяснять, куда пропадает их корреспонденция.

Итак, в ближайшую среду, после выполнения заказа, Дмитрий Дмитриевич вынул письма из почтового ящика, нашел среди них конверт, адресованный в Борисоглебск, и уже по его толщине понял, что гонорара в нем нет. Вскрыв конверт, он нашел только листок, на котором печатными буквами было написано:

«Задержка выполнения заказа».

Дмитрий Дмитриевич очень огорчился. Ведь они с женой считали, что заказ выполнен – следовательно, они убрали не ту женщину. Конечно, это не его вина, произошел сбой в системе информации, но так или иначе – ему поставили на вид, пострадала его профессиональная репутация... В какой-то степени его огорчило и то, что убита совершенно непричастная женщина, но не потому что ему было жалко постороннюю бабу, а потому что его драгоценная жена Машенька рисковала понапрасну. Своих жертв он давно уже перестал жалеть, иначе не смог бы выполнять такую работу.

Сейчас его больше беспокоила необходимость реабилитироваться в глазах работодателей, а для этого нужно было быстро и аккуратно ликвидировать человека со второй карточки. Он вынул карточку из бумажника и прочел: «Белая Галина вернет тебе любовь». Чушь какая! Понятно, что он посчитал заказом другой листок, с Ниной Ивановной. Ну да ладно, Белая Галина, так Белая Галина...

Человек, которого женщины за глаза называли Координатором, сидел в своем, с позволения сказать, офисе – маленькой однокомнатной квартирке – и ждал телефонного звонка. Дела шли неплохо – он имел в виду не эту чушь с карточками.

«Герболайф, страховые пирамиды, реклама похудения, снятие запоев на дому» – за это он получал гроши. Основная его деятельность заключалась совершенно в другом. Некто, кого он не знал и с кем общался только по телефону, звонил ему раз в неделю и сообщал, какую карточку приготовить – просто телефон и имя-отчество. Потом Некто говорил одно слово, например, «букет». Это значило, что карточку следует передать человеку с букетом роз. Каких именно и в каком месте – все было условлено.

Было и другое кодовое слово, например, «журнал». Тогда карточку следовало передать человеку с журналом под мышкой в определенном месте. Журнал был старый: «Советский экран» с большим портретом актрисы Элины Быстрицкой на обложке, чтобы исключить путаницу – в наше время такой журнал и в библиотеке не достанешь, и уж никакой посторонний человек не будет с ним прогуливаться в метро.

Вначале Координатор такими серьезными вещами занимался сам, но потом подключил одну женщину, Людмилу. Он довольно долго присматривался к ней, а потом какое-то у него было неотложное дело, не было времени стоять два часа в метро. Людмила справилась с заданием успешно, удовлетворенно кивнула, когда он дал ей больше денег, чем причиталось, и не задала ни одного вопроса. Она вообще была серьезная, молчаливая и очень работающая. Если бы не возраст, а ей было прилично за сорок, она смогла бы устроиться с работой получше. Понемногу он переложил на Людмилу большую часть работы – стоять, раздавать карточки, а сам только принимал заказы по телефону. Людмила, даже если и догадывалась о чем-то, упорно молчала. Дела шли неплохо, эту удовлетворенную мысль прервал телефонный звонок.

– Я недоволен, – прозвучал в трубке спокойный голос, – у вас сбой в системе.

– Как? – пробормотал Координатор. – В каком звене?

– Букет, – раздался лаконичный ответ.

Букет! Еще не прошло и недели, как Координатор передал карточку для букета, все было как обычно, неужели Людмила что-то сделала неправильно?

– Поясните, – упавшим голосом попросил Координатор, но в трубке уже пикало.

Координатор лихорадочно заметался по комнате, разбрасывая бумаги. Он включил компьютер и запустил программу, стирающую все файлы. Больше ничего опасного в комнате не было – обычный офис.

Чем грозил ему телефонный звонок? Очень многим. Некто недоволен, в тщательно налаженной системе произошел сбой. Координатор был не полным дураком, иначе его не рекомендовали бы на такую работу. Он кое о чем знал, кое о чем догадывался, а однажды, примерно чрез неделю после передачи очередной карточки, он взял и позвонил по тому телефону и спросил человека, чье имя-отчество было на карточке, хотя это строжайше запрещалось. Ему ответили, что человек скорострительно скончался от инфаркта.

«Знаем мы эти инфаркты!» – подумал Координатор.

Некто нанял его для связи с киллерами. Очень удобно, подходит человек, и женщина в метро отдает ему карточку. Никто ничего не заподозрит. Сколько он уже так работает? Координатор подсчитал в уме. Около семи месяцев. Долго так продолжать нельзя, возможна утечка информации. Там организация серьезная, и он только маленький винтик в системе. Произошел сбой из-за маленького винтика. Что делают с винтиком? Выбрасывают на помойку! Хорошо, если нынешний сбой утрясется, рассосется сам собой. А если нет? Тогда его могут прикончить, чтобы не болтал. Он не собирается ждать такого конца, надо раствориться. Уехать из города подальше, можно к родственникам в глубинку, там не найдут...

Но что за сбой произошел в системе? Просто путаница, «букет» вовремя не получил информацию или... Или милиция... Координатор похолодел. Если милиция что-то пронюхала или, что еще хуже, родственники убитых или те, кто за ними стоит, то они неминуемо выйдут на Людмилу. Она, разумеется, расскажет, что знает, ей его покрывать нет никакого резона. Раскроется система, могут выйти и на киллеров, а тогда за его, Координатора, жизнь не дадут

и ломаного гроша. Некто об этом позаботится. Какие там родственники в глубинке, со дна океана достанут!

Значит, Людмилу надо нейтрализовать, своя жизнь дороже. Расспрашивать, что она сделала не так, он не будет, чтобы не вызвать у нее подозрений. Он нашел в ящике стола Людмилин домашний телефон.

– Алло, это я, немедленно приезжай через час на «Сенную»! – Он специально выбрал эту станцию – народа на ней всегда полным-полно, потому что переход да еще наверху огромный продуктовый рынок. А через час будет самый час пик.

Людмила, обычно не задававшая вопросов, на этот раз почему-то заколебалась.

– Зачем? Мне далеко, я не успею.

– Далеко? Да у тебя прямая ветка метро! Дело не терпит отлагательства, срочное задание. Встретимся на «Сенной» на входе, – подчеркнул он.

– Хорошо, – с облегчением, как ему показалось, ответила Людмила.

В следующую пятницу я была зла, как дьявол. Карточки кончились, я честно стояла в переходе и в среду и в четверг, а в пятницу после работы потащилась к Координатору, но, что называется, поцеловала замок, потому что офис был наглухо заперт. Хоть бы записку оставил! Спросить было не у кого, Людмилу я надеялась встретить сегодня тут. Очевидно, Координатор заболел или в отъезде, Людмила про это знала и не пришла. Не могла мне домой позвонить или на работу!

Я жутко разозлилась из-за потерянного времени, вернулась к метро и позвонила Людмиле, там никто не отвечал. Что ж, надо ехать домой!

В переходе я встретила Гертруду Болеславовну, дождалась, когда она закончит «Компанеллу» Паганини, потом мы немного поболтали, и я побрела к своим оглодам. Плохое настроение усугублялось тем, что совершенно не было денег. Я понадеялась на еженедельную пятничную зарплату, думала – получу и куплю продуктов. Не зря народная мудрость учит нас никогда не делить заранее шкуру неубитого медведя. В данном случае шкура медведя была маленькая, не то чтобы медведя, а игрушечного медвежонка, – я имею в виду свою зарплату у Координатора, но я собиралась перехватить еще и у Людмилы.

Оставшейся наличности хватило на батон и пачкупельменей, с этими скудными дарами я позвонила в квартиру. Дети не ожидали моего раннего возвращения, поэтому оттягивались в моей комнате на всю катушку. Лизавета с ребенком, лежа на диване, смотрели молодежный телесериал, а зять играл на моем компьютере в какую-то сложную, как он говорил, компьютерную игру. Я молча прошла на кухню и поставила воду дляпельменей. В холодильнике, как всегда, была пустынная зима. Может, вообще отключить его, к чертовой матери, на электричестве сэкономим?

Сериал кончился, Лизавета с ребенком на руках выползла на кухню.

– Мам, у нас памперсы кончились.

Я отвернулась к плите и сделала вид, что не слышу. Пельмени сыпались в кастрюлю с глухим плеском, было такое впечатление, что я строю плотину для электростанции. Скверно, Лизавета кормит ребенка грудью, не могу же я держать ее на пельменях, они оба заболеют.

– Мам, так как насчет памперсов? – напомнила Лизавета.

– Никак! – отрезала я. – Денег нет и три дня не будет. Вот последняя еда. – Я кивнула на пельмени.

Моя курица вылупила глаза и вышла, она знает, что, когда я в плохом настроении, со мной лучше не связываться. Я прошла в комнату, где зять бурно переживал за компьютером.

– Ты скоро? – спросила я. – Мне надо переодеться...

– Сейчас, Наталья Евгеньевна, на пятый уровень уже вышел!

Я с тоской поглядела на его затылок. Неужели мой внук вырастет таким же идиотом? Чтобы отвлечься, я опять позвонила в офис Координатора и Людмиле. И там, и там никто не отвечал. Ну ладно, допустим, на Координатора наехали или просто фирма прикрыла лавочку, и он решил слинять, чтобы не платить аренду. Но я-то тут при чем? Пусть выплатит мне заработанное и катится ко всем чертям. Конечно, там не Бог весть что, но я не могу позволить себе работать даром, не в том я положении.

Мы молча поели пельменей, даже без сметаны, и Лизка, увидев, что денег действительно нет, что с моей стороны это не пустые угрозы, вызвала Валерика в коридор пошептаться. В результате шептаний Валерик оделся и вышел, а через полчаса вернулся с банкой варенья, банкой маринованных огурцов и пакетом памперсов. Как видно, его родители, напуганные перспективой того, что дети, сбежав от голодной жизни у тещи, могут поселиться у них, выплатили сыну отступного деньгами и натурой.

Считая свой долг выполненным, зять умиротворенно съел полбанки огурцов и отправился спать. Он любит подремать днем или вечером, мотивируя это тем, что ночью ему мешает спать ребенок. Я еще раз позвонила Людмиле, там опять никто не отозвался.

В субботу утром выяснилось, что у зятя в институте дела хуже некуда, он под угрозой исключения. Я подавила в зародыше подлую мысль, что хорошо было бы, если бы балбеса исключили и забрали в армию. Пусть его там кормит государство, а Лизку с ребенком я беру на себя. Так нельзя, все-таки он муж моей дочери и отец моего единственного внука.

У зятя было плохо с математикой – естественно, математика – это наука, для которой нужно обладать минимум десятью извилинами, а у зятя их полторы.

В результате я все утро висела на телефоне, вызвонила своего давнишнего приятеля по работе Генку Толоконникова, он все-таки в свое время закончил матмех и кое-что помнил из математического анализа. Генка долго отнекивался, пока я не пригрозила, что расскажу его жене про его давнишний роман с лаборанткой Сашенькой из соседнего сектора. И хоть Генка хорохорился и кричал про прошлый век и что кого сейчас это волнует, но быстро притих и согласился решить все сорок задач, которые мой зять-осел накопил за полтора семестра. Договорились на воскресенье, а за это потом Валерик поможет Генке в гараже.

Не успела я повесить трубку и перевести дух, как мои дети хором заявили, что им срочно нужен компьютер, потому что Валерику надо писать реферат по какому-то странному предмету, который заменил теперь в институтах историю партии. Называется он сложно, не менее трех слов, причем в каждом институте по-разному. Насколько я могла понять, это компиляция из истории, философии и политической географии. Короче, преподаватель требует реферат, иначе тоже грозит исключением. Самое главное, что слово «писать» в данном случае было не совсем уместно, потому что ушлые студенты давно уже умудрились использовать прогресс в своих личных целях. Для того чтобы получить реферат, надо было просто залезть в интернет и поискать что-нибудь подходящее. Главное, не подсунуть преподавателю то, что он узнает, то есть надо брать материал из других вузов.

Я быстренько нашла зятю нужное в материалах Лесотехнической академии. Валерика обуяла гордыня, и он выбрал самый длинный реферат, сто двадцать листов. Прикинув, сколько времени мой допотопный принтер будет печатать такое количество, я решила, что до обеда компьютер мне не светит. Вы, может быть, захотите узнать, почему Валерик не занялся рефератом в будние дни, когда компьютер свободен, а он все равно целыми днями дома. Скажу сразу, за без малого год общения со своим зятем я отучилась задавать ему такие вопросы. Мы из другого поколения, есть вещи выше нашего понимания. Не задавай глупых вопросов и не получишь глупых ответов.

Итак, дети вдвоем уселись за компьютер, потому что Валерик даже с принтером не умеет как следует обращаться, вечно его ломает. А я решила погулять с внуком. Погода неплохая,

легкий морозец, мне надо успокоиться и подышать воздухом. Заодно куплю молока и булку, потому что вчерашний батон Валерик съел за завтраком с банкой варенья.

Лизавета помогла мне спустить коляску и удалилась. Мы покатали по дорожке. Погода для зимы была чудесная – весело сверкал на солнышке выпавший за ночь снег, у дома на большой рябине сидели розовые снегири, на горке визжали дети. Внук задумчиво смотрел на меня из коляски темными глазами-вишенками. У него светлые волосики – в папу, а глазки темные, Лизины. Я наклонилась, чтобы поправить шапочку, и младенец заулыбался мне беззубым ртом. Сокровище мое!

Я поправила одеяльце и вытащила из-под ребенка посторонний предмет – ярко-желтого игрушечного цыпленка. Цыпленка подарила сватья, она вообще задаривала ребенка игрушками и одеждой, тут у меня проблем не было. Цыпленок был мягкий, губчатый и пищавший. Внуку такую игрушку было давать еще рано, цыпленок валялся где попало и отличался тем, что всегда попадался не под руку, а, прошу прощения, под то место, на котором сидят, и пищал. То есть, куда бы вы ни сели, вы обязательно попадали на цыпленка, и он под вами начинал негодуяще пищать. Очевидно, Лизавета, доведенная до крайности, убрала цыпу в коляску – туда уж никто не сядет. Я не удержала цыпленка рукой в варежке, и он выскользнул в снег. Пока я боролась с собой – хотелось оставить цыпу в снегу навсегда, но было неудобно перед сватьей, – какая-то шустрая такса схватила игрушку и бросилась прочь.

– Ромка, как же тебе не стыдно! – раздался голос прямо у меня над ухом.

Я обернулась в негодовании – кто смеет так фамильярно разговаривать с моим внуком? – и увидела рядом мужчину, очень лохматого, в распахнутой куртке и в темных очках. Он стоял за коляской, но смотрел вслед таксе и кричал ей:

– Ромка, немедленно вернись! Я засмеялась:

– У вас тоже Рома?

Он принялся извиняться, и все звал своего такса Рому, а его тезка, мой внук, удивленно гукал в коляске.

– Ромуальд, ко мне! – гаркнул мужчина, и такс вернулся, но по дороге успел прокусить цыпленка в нескольких местах и оторвать гребешок. Мужчина очень расстроился и даже легонько стегнул такса Рому поводком.

– Пойдемте к метро, я куплю вам новую игрушку.

Напрасно я уверяла, что цыпленок нам всем надоел, что мы только обрадуемся, если Ромуальд изгрызет его совсем, мужчина был непреклонен. Пришлось пойти с ним к метро, впрочем, мы все равно гуляли. По дороге мужчина все сокрушался:

– Простите, девушка, этого паршивца, у грудных детей игрушки отбирает.

– Нехорошо, Рома, отнимать у своего тезки, – упрекнула я такса.

– Это тешин, – каялся мужчина, – она ему все позволяет, он совершенно распустился.

А ваш сын тоже Рома?

– Только не Ромуальд, а Роман, в честь дедушки. И это не сын, а внук, дочкин ребенок.

Мужчина изумленно ахнул и даже снял очки, чтобы получше меня рассмотреть. И тут я поняла, почему он их носит зимой. Вокруг правого глаза мужчины расплывался огромный желто-фиолетовый синяк. Заметив ужас в моих глазах, мужчина расстроено вздохнул:

– Не подумайте плохого, я не пьяница и не драчун. В прошлую пятницу иду домой вечером, не так и поздно было, в подъезде – темень, глаз выколи, дали по голове и отняли бумажник.

– Кто же вас нашел?

– Никто, сам очухался. Утром пошел к врачу, тот говорит – легко отделался, сотрясения нет, только ушиб. А на следующий день – вот такой синяк. Ударили по темечку, а под глазом проявился. Теперь людей стыдно.

Я молчала, глубоко потрясенная. Если бы не очки, я узнала бы этого человека раньше. Ведь это он тогда шел в толпе с убийственным букетом, это ему я чуть не насильно всунула карточку. Это было точно в прошлую пятницу. А потом следом за ним на меня налетел сумасшедший тип с усами, и я направила его за этим типом. Разумеется, это он – та же куртка, те же неподдающиеся расческе волосы. Сегодня он тоже был без шапки, как и в тот раз, – еще бы, зачем ему шапка, такая грива, да еще борода.

Видя, что я так долго молчу, мужчина совсем расстроился. Меня он, конечно, не мог узнать, в переходе я была в пальто и меховой шапке, а сегодня на мне Лизкина куртка с капюшоном.

– Не расстраивайтесь, – как можно мягче сказала я. – Ведь могло быть хуже, а синяк скоро пройдет. Много денег пропало?

– Да нет, так, пустяки. Кое-какие нужные бумаги, но обойдусь. Паспорт не тронули.

– Странно, обычно документы тоже крадут.

– Я тоже так думал, – вздохнул он, – ладно, пойдемте.

– А в милицию вы заявляли?

– Нет, – он помялся, – я, знаете, в тот вечер на презентации был, выпили там конечно, немножко, а милиция к таким вещам относится не очень-то...

За разговорами мы дошли до метро, мужчина купил внуку игрушку – симпатичного маленького гномика, главное – молчаливого, а мы подарили остатки цыпы Ромуальду. Мужчина рассказал мне, что сам он в нашем доме не живет, а навешает тещу и гуляет с песиком. Потом мы также прогулочным шагом вернулись домой и распрощались у нашей парадной.

Весь вечер мне было не по себе. Получалось, что я, сама того не ведая, устроила человеку пакость. Ведь это я указала тому типу с усами на лохматого. Конечно, он и сам мог его определить по букету, но все же... И вечно мне надо всюду сунуться, видела же, что человек мимо идет, и стояла бы себе спокойно, так нет, следом за ним понеслась, насильно карточку всунула. И что такое могло быть в той карточке, за что человека звезданули по голове? Ведь только он думает, что хотели ограбить, а я-то знаю, зачем понадобился бумажник – забрать карточку с информацией. Передо мной встало лицо мужчины с усами, его голос, и я поняла, что он мог и убить. Во что же меня втянула Людмила? Я вспомнила о Людмиле и деньгах и опять набрала ее номер телефона. По-прежнему никого. Вот незадача!

Внутренний голос подсказал Дмитрию Дмитриевичу, что звонить Белой Галине должна Машенька. Действительно, когда Марья Дмитриевна набрала номер и спросила Белую Галину, ей обрадовались как родной. Марья Дмитриевна не продумала заранее разговор, понадеявшись на интуицию, поэтому несколько замялась, и это оказалось именно то, что нужно: ее растерянность приняли за естественное смущение женщины, стесняющейся говорить о сердечных, интимных проблемах, и постарались помочь ей наводящими вопросами, тем самым подсказав стиль и суть разговора.

– Я хотела бы поговорить с Белой Галиной, – начала Марья Дмитриевна.

– Мы рады вашему звонку, но Галина в настоящий момент занята, так что, если можно, расскажите мне, что вас беспокоит.

– Но вы знаете... я не уверена...

– Я понимаю, вам трудно впервые творить о своих личных проблемах с незнакомым человеком, – вкрадчиво мурлыкала дама на другом конце провода.

– Да, вот именно... вы правы... – обрадовалась подсказке Марья Дмитриевна.

– Не беспокойтесь, я все пойму, ведь у нас, женщин, такие схожие проблемы! Наверное... вы... расстались с любимым человеком?

– Да, именно, как же вы догадались?

Конечно, если клиентка звонит, прочитав на листовке, что Белая Галина вернет ей любовь, догадаться, что она эту любовь недавно потеряла, нетрудно, но Марья Дмитриевна, польстив своей собеседнице, убила сразу двух зайцев – расположила ее к себе и показала, что потенциальная клиентка отнюдь не семи пядей во лбу и ей можно смело наболтать что угодно, чем телефонная дама тут же и занялась:

– Я почувствовала это по вашему голосу – в нем ощущается глубина недавно перенесенной утраты. У вас голос тонко чувствующей женщины, способной на сильное подлинное чувство и достойной большой настоящей любви... Он недавно покинул вас?

– Да. Примерно месяц назад, – ответила Марья Дмитриевна несколько растерянно.

– Ох, ну что же вы так долго ждали! – В голосе ее собеседницы послышалось такое волнение, словно она вспомнила о не выключенном дома электрическом уюте. – Ведь за такое долгое время энергетические каналы между вами могли закрыться! Ну ничего, вам повезло, Белая Галина узнает о вашем горе и займется вами лично. Приходите к нам в офис завтра раньше двенадцати. – Дама продиктовала адрес и закончила разговор дежурной фразой: – Я не спрашиваю вашего имени, чтобы не задеть ваше чувствительное, ранимое сердце. Белая Галина обеспечивает своим подругам полную конфиденциальность. Да, вы не ослышались, у Галины нет клиентов, все приходящие к ней женщины становятся ее подругами. И не забудьте сто долларов за первый сеанс.

«Понятно, – подумала Марья Дмитриевна, – если у нее не клиенты, а подруги, вопрос о налогах можно замять. Какие могут быть налоги, если одна подруга дала другой – исключительно по дружбе – сто-двести долларов?»

Марья Дмитриевна повесила трубку и передала мужу содержание разговора.

– Ну что ж, – спокойно сказал Дмитрий Дмитриевич, – тебе там показываться пока не стоит, мало ли как дело повернется, может, придется тебе в ходе операции идти на прием к Белой Галине любовь возвращать. Первую разведку я проведу сам.

На следующее утро невысокий, слегка сутулый мужчина в темно-зеленом плаще и дымчатых очках подошел к дверям офиса, где размещалась Белая Галина со своими присными.

– Вы к кому? – достаточно бесцеремонно осведомился плечистый, коротко стриженный молодой человек, основной функцией которого, судя по всему, было подписание притолоки.

Сутулый мужчина сунул ему под нос служебное удостоверение:

– Капитан Вахромеев, седьмой отряд управления пожарной охраны. Проверка состояния противопожарного инвентаря.

Охранник тщательно изучил удостоверение и, не найдя, к чему придраться, нехотя пропустил мужчину в офис. Там его перехватил другой культурист, рангом повыше, и, также ознакомившись с документами, стал лихорадочно припоминать, где он последний раз видел штатный огнетушитель.

«Капитан Вахромеев», дожидаясь, пока у атлета всплывет в памяти необходимая информация, разглядывал окружающую обстановку.

Офис был обставлен с неброской, но внушительной роскошью: мягкий свет галогеновых светильников приятно сочетался с дорогой кремовой обивкой стен, в светло-бежевом ковре нога утопала по щиколотку, а нежнейшие, обтянутые лайкой цвета кофе с молоком кресла и диваны манили погрузиться в них и забыть суету и волнение внешнего мира. Что, собственно, и делали несколько вальяжных, ухоженных дам среднего возраста, негромко беседующих между собой в ожидании самой хозяйки.

Она не замедлила появиться из внутреннего помещения, видимо, предназначенного только для самых любимых клиенток, то бишь подруг. Появилась дама лет пятидесяти, несколько дородная, чего не мог скрыть даже прекрасно сшитый черный костюм, с лицом, носящим следы трудов не одного десятка косметологов, но при этом еще и несколько кричаще

накрашенным, и, действительно, очень светлыми волосами, уложенными на голове в несколько старомодную прическу.

Ласково поздоровавшись со своими «подругами», Галина, а это была она, вопросительно взглянула на культуриста.

– Это по пожарной безопасности, – объяснил он присутствие в офисе незнакомого мужчины.

По его интонации и еще больше по хозяйскому взгляду, которым он окинул Галину, «капитан Вахромеев» понял, как именно сама Галина решает собственные «сердечные» проблемы.

– Капитан Вахромеев! – снова представился посетитель и протянул Галине свое удостоверение.

Галина смотреть не стала, уверенная, что охранник это уже сделал, но улыбнулась «капитану» любезно, потому что пожарный инспектор – лицо значительное и может устроить неприятности. Она проворковала куда-то во внутренние покои:

– Шурочка, сделай кофе господину капитану! – и тут же, повернувшись к гостю: – В нашем маленьком дамском мирке каждый мужчина – это событие, а если еще такой интересный и обаятельный, так это просто сенсация! А как, кстати, поживает Вера Петровна?

«Вахромеев» был вполне подготовлен к таким вопросам и ответил, не задумываясь:

– Мы с Верой Петровной немного передвинули инспектируемые участки, теперь я буду вас курировать.

– Ах как это приятно! – снова заворковала Белая Галина, кокетливо смахивая невидимую пылинку с плаща пожарного.

Из глубины офиса вышла бледная унылая девица с подносом в руках. На подносе были только две чашечки кофе. «Капитан» отметил про себя, что, во-первых, его не пригласили в личные апартаменты и угощают кофе в приемной, а во-вторых, какую невзрачную девицу держит у себя Галина, хотя такому роскошному офису больше подошла бы длинноногая эффектная красотка. Но все рассчитано правильно: клиентки, то есть подруги, не первой молодости, они будут расстраиваться, видя рядом с собой молодость и красоту, а на эту дурнушку взирают благосклонно.

Выпив кофе, мнимый инспектор настойчиво напомнил, что пришел проверить средства пожаротушения и работу пожарной сигнализации. В ответ на это Галина сделала неумовимое движение рукой, и он почувствовал, как в карман плаща скользнул конверт. Содержимое конверта не вызывало сомнений, можно было только гадать о сумме. В сложившейся ситуации настаивать на продолжении инспекции было по меньшей мере глупо, потому что Галина сразу поняла бы, что пожарный инспектор липовый. Поэтому Дмитрий Дмитриевич еще раз внимательно оглядел приемную, поблагодарил за кофе и откланялся.

Покинув приемную, он глубоко задумался. То, что он видел, не оставляло надежды, что можно успешно провести операцию здесь, в офисе: он разглядел и датчики охранной сигнализации, и отличную подготовку охранников. Тогда нужно было прошупать обстановку у ее дома, поэтому Дмитрий Дмитриевич занял наблюдательную позицию в своих «Жигулях» и стал дожидаться, когда Галина поедет домой.

Возвращение Галины тоже его не порадовало. Жила она, как и следовало ожидать, в элитном, хорошо охраняемом доме, с телекамерами у входа и охранником в униформе. Дмитрий Дмитриевич был не из тех, кто опускает руки при первой неудаче, его профессия такого не позволяла. Он не особенно огорчился и стал продолжать наблюдение. В его профессии главным достоинством, определяющим качественный уровень исполнителя, является не физическая сила, не меткость, не твердая рука и даже не ловкость и хитрость, хотя они тоже, конечно, нужны. Главными достоинствами киллера являются терпение, выдержка и умение ждать. Так же, как кот, стерегущий мышь у ее норки, знает, что поймает он ее только благодаря своему

терпению, – так и киллер для выполнения заказа должен быть готов часами ждать жертву под дождем и на морозе, в пустом подъезде или на людной улупе. Дмитрий Дмитриевич два дня следовал за Белой Галиной, превратившись в ее тень, и наконец нашел слабое звено в ее обороне. До сих пор она не сворачивала с маршрута дом – офис, но на исходе второго дня она отпустила своего шофера-телохранителя, точнее телоудовлетворителя, как выразился про себя Дмитрий Дмитриевич, усмехнувшись, потому что шофер этот поднимался с Галиной наверх в квартиру и оставался там на ночь, он очень ответственно подходил к своим обязанностям. Галина отпустила его, любезно попрощавшись, сама села за руль белой «мазды» и поехала на Васильевский остров. Здесь, на Пятнадцатой линии, она остановилась возле обычного пятиэтажного дома без охраны и телекамер и вошла в подъезд.

Дмитрий Дмитриевич увидел, как через минуту зажегся свет в окнах третьего этажа и мелькнул силуэт, в котором он без труда узнал свою молодящуюся мишень. Через двадцать минут возле дома остановилась голубая «девятка», из нее выскочил мордатый мужчина лет тридцати и скрылся в подъезде. Еще через три минуты на третьем этаже задернули плотные шторы, и Дмитрий Дмитриевич понял, что нашел место для операции. Он поднялся на третий этаж, узнал номер интересующей его квартиры, проверил подходы, площадки выше и ниже этажом и поехал домой: часа два изменений в диспозиции не предвиделось.

Следующие дни он продолжал наблюдения и выяснил, в какое время Белая Галина встречается со своим мордытым любовником.

«Ох и ненасытная же баба!» – подумал киллер, в очередной раз наблюдая, как Галина сбегает на Васильевский от своего широкоплечего телохранителя.

В промежутках между свиданиями Дмитрий Дмитриевич, подобрав отмычку, осмотрел квартиру – двухкомнатное любовное гнездышко было очень уютно и богато обставлено и в остальное время пустовало.

Киллер проследил также за Галининым кавалером, выяснил, кто он, чем занимается и где живет. Кавалер был женат, жена его была молода и привлекательна, и Дмитрий Дмитриевич в который раз подивился, до чего же человек загадочное существо. Но старый киллер перестал чему-либо удивляться, когда заметил, что кроме жены и любовницы Белой Галины мордатый кавалер встречается еще с молоденькой продавщицей из цветочного ларька у окраинной станции метро. Как видно, с Галиной мужик отработывал трудовую повинность, а продавщицу держал для души, жена же вообще не шла в счет. Возможно, по образному выражению героя американского боевика, мужик относился к тем, кто «трахает все, что движется». Произнеся это про себя, Дмитрий Дмитриевич слегка поморщился, хорошо, что Машенька не слышала, она так остро реагирует на грубость.

Он поразмышлял еще немного, и в голову его пришла мысль, очень полезная для выполнения операции.

Воскресенье прошло в хозяйственной суете. Пару раз я вспоминала про Людмилу, набирала номер снова и снова, но постоянные длинные гудки мне надоели. Куда она могла деться? Насколько я помнила, жила Людмила одна в маленькой однокомнатной квартире, родственников у нее не было, а родители давно умерли. Уехала в отпуск? Среди зимы вряд ли, да, откровенно говоря, и не такие у нас сейчас заработки, чтобы в отпуск ездить. Остаются две вещи: либо сломан телефон, либо Людмила попала в больницу. Если телефон сломан, его скоро починят, а вот если больница... Но надо надеяться на лучшее.

На следующий день телефон опять уныло молчал и у Людмилы, и у Координатора в офисе. Я решила было махнуть рукой на всю историю, но какое-то смутное беспокойство грызло меня изнутри. Я вспомнила, как три недели подряд стояла в переходе и ждала тот распроклятый букет. И он приходил, то есть приходили разные люди с букетом. Полно, разные ли? Во-первых, все они были мужчинами. Все невысокого роста, довольно шуплого сложения.

Сначала был приличный мужчина в дубленке, потом – наоборот, бедно одетый старик. Почему я решила, что старик? Потому что у него была борода и седые волосы выбивались из-под вязаной шапочки. А если сбрить бороду и надеть на него дубленку? И последний тип в кашемировом черном пальто с усами. Усы на его лице были явно лишними, я еще тогда заметила. Я вспомнила, что сзади, со спины, кашемировый тип показался мне знакомым, и поняла почему – точно так же шел предыдущий старик – ссутулясь и слегка загибаая ногами.

Когда-то давным-давно, когда у меня было время читать книги, я читала мемуары одного разведчика. И там он писал абсолютно разумные вещи. Дело в том, что только дурак думает, что если он приклеит фальшивые усы и бороду, то его никто не узнает. Существует множество вещей, по которым можно узнать человека. Надо внимательно следить, как он закуривает, жестикулирует, снимает очки и так далее. Кроме того, важным элементом является походка. И теперь я могла сказать абсолютно точно: у всех трех человек, которые подходили ко мне с ненормальным букетом, была одинаковая походка. Следовательно, делаем вывод, что это был один и тот же человек. Как видно, он не читал мемуаров знаменитого разведчика или был полным дураком. А скорее всего, считал окружающих полными дураками, неспособными внимательно приглядеться. Такое до добра не доводит, нельзя считать всех людей глупее себя. Итак, чем же занимается тот тип? Людмила наверняка знала, что в карточке, во всяком случае догадывалась. Ведь это у меня в голове только продукты и памперсы, а она жила себе спокойно одна, и голова у нее всегда работала хорошо, это я помню по прошлой работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.